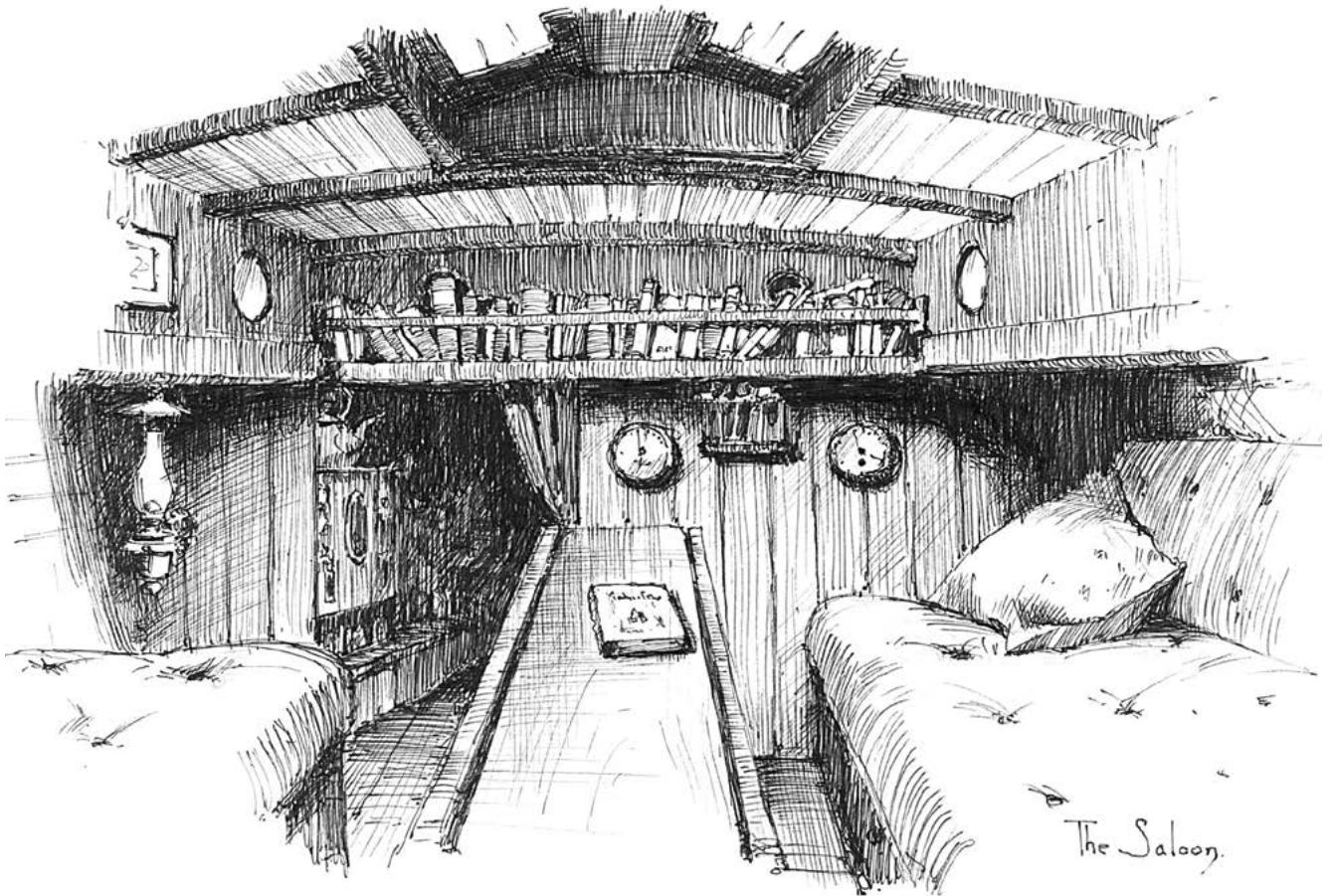

Жизнь вещей

Борис Петров

Есть такое понятие — «предметная среда». Оно включает в себя совокупность окружающих человека вещей, изделий, оборудования и декоративного убранства. Предметная среда красноречиво иллюстрирует свое время, развитие науки и технологий и всегда оказывает влияние на формирование любого продукта. Яхты здесь не исключение.

Честно говоря, вначале я хотел написать статью об интерьерах яхт. Но по мере работы вдруг сбился с намеченного пути, поняв, что ничего нового, пожалуй, не расскажу. Действительно, достаточно взять любой обзор очередной яхтенной новинки, как со страниц глянцевого журнала или с экрана компьютера хлынет подробная информация по этому вопросу.

Яхта давно стала местом, где ее владелец может проводить много времени, и не только в плавании, но и на стоянке, в порту или гавани. Именно поэтому она требует особого подхода к проектированию внутренних помещений. Там, где у грузовых или промысловых парусников были трюма, на яхте стали оборудовать каюты.

Понятно, что на этом пути не было каких-то кардинальных новшеств и открытий: все делалось, как на судах своего времени, разве что все это было просторнее, богаче и дороже. Этим особенно отличались самые первые яхты: одного взгляда на их убранство было достаточно, чтобы понять назначение судна и уровень состояния его владельца.

Шло время, формировались различные типы яхт, менялся сам образ яхтсмена: он становился демократичнее. Появились прогулочные и гоночные яхты, предназначенные лишь для недолгих выходов в море. В то же время развивались крейсерские яхты — те, на которых можно было подолгу обитать.

Жизнь на море — особая жизнь. Дом на берегу, в отличие от судна, не кренит и не качает. Поэтому достижение комфорта в условиях морского плавания требовало особенных решений. Увы, яхтенные конструкторы, совершенствуя

обводы, парусное вооружение, были не столь внимательны к внутреннему устройству судна. К слову, специальной литературы по этому вопросу в XIX — начале XX в. было издано очень мало. Внутреннее устройство яхты обычно воспроизводило модель жилья на берегу с использованием привычных в быту предметов. Еще в последней четверти XIX в. в каютах можно было видеть самую обычную мебель. Но те, кто ходил в дальние плавания и реально подолгу жил на борту, устраивали свой быт иначе.

Часто простой судовой плотник мог сделать все необходимое для удобства обитания на яхте. Но плотник должен был быть именно судовой: на яхте наблюдается дефицит прямых поверхностей и углов. Было перенято все нарабатанное в этом вопросе поколениями моряков и судостроителей. В каютах появлялась встроенная мебель, кровати позволяли спать на них при крене и качке, обеденные и рабочие столы изготавливались с закладными деталями, препятствующими падению с них посуды и столовых приборов, ставились поручни для безопасного передвижения. Каюты в темное время освещали лампы в кардановых подвесах; печи, дающие тепло и позволяющие готовить пищу, были сделаны так, чтобы при качке из них не вылетали угли. Глубокие рундуки и полки для размещения имущества позволяли хранить многое из того, что было необходимо на борту во время долгого плавания.

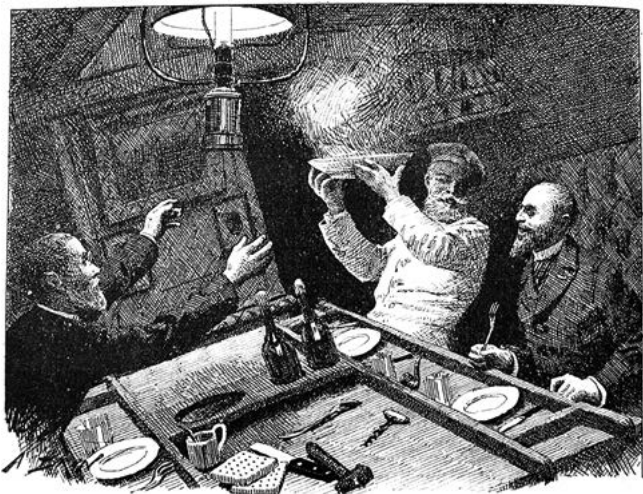
Надо сказать, планировка яхт за много лет не слишком-то изменилась, а вот внутреннее убранство всегда отражало предметную среду своего времени. Именно это обстоятельство часто игнорируют, когда речь заходит о со-

здании судов-копий. Тем временем, важно не только выдержать полное соответствие их внешнего вида эпохе, но и, по возможности, наполнить внутреннее пространство всеми теми предметами, что с этой моделируемой эпохой связывают. Сложная задача не всегда под силу «реконструкторам» — так много всего забыто!

Вкусы людей менялись на протяжении истории. И если для планировки помещений яхт со временем сформировались общепринятые нормы, то предметная среда изменялась быстро и на всем откладывала свой отпечаток. Особенно это стало заметно с середины XX в.

Вот отрывок из книги американского натуралиста Джилберта Клинджела «Остров в океане», где автор описывает внутреннее устройство своей яхты, сошедшей со стапелей в начале 20-х гг. XX в.:

«Я спустился обратно, закурил трубку, затянулся несколько раз и оглядел нашу уютную каюту. В ней — все, что может понадобиться двоим путешественникам для многомесячного плавания. От всех других кают она отличалась тем, что одна половина ее была целиком занята специально сконструированным длинным лабораторным столом. На столе сверкала масса разноцветных бутылок с химикалиями и множество различных инструментов — все это на случай качки было туго прикреплено скобами к переборке. К крышке стола был привернут биноклярный микроскоп в водонепроницаемом чехле. Рядом стояла полка с полдюжиной шприцев — от самого маленького на два кубических сантиметра до самого большого, емкостью почти в пол-литра, внушительно поблескивавшего стеклом и никелем. На той же полке стоял ящик с хирургическими инструментами — зажимами, крючками, щипцами, скальпелями, иглами и пинцетами. Под полкой помещалась доска для анатомирования с двумя стоками, ведущими в ослепительную раковину из монель-металла, разделенную надвое. Одна половина была пуста, в другой лежали ванночки для проявителя и фиксажа и аппарат для промывки фотографий. Тут же стоял небольшой фотоувеличитель с автоматическим выключателем и несколько держателей для сушки и обработки пленки. Ящики стола заполняли сачки, сетки, коробки для бутылок с образцами, фотопленки, ружья и разные другие вещи. На столе стояли полки со справочниками — большими томами в унылых серых и коричневых переплетах.

И, наконец, последние пять футов стола, ближе к корме, были отведены искусству навигации — об этом свидетельствовали карты и хронометр, невозмутимо тикавший в своем мягком плюшевом чехле. Около хронометра стоял ящик с секстаном и ночными биноклями.

Напротив лабораторного стола помещался камбуз. Чтобы не мешал жар, камбуз был отгорожен от остальной части каюты, и Колман колдовал в нем над устрицами и кофе. Ближе к корме, в свободном пространстве под палубными бимсами, приютились наши койки — по одной с каждого борта. Только здесь мы могли свободно проявить свою индивидуальность: всей остальной территорией мы владели сообща.

Колман — заядлый курильщик, и поэтому у него под рукой была полка с великолепной коллекцией трубок и надежно прикрепленная к переборке табакерка с желтым табаком. Над его койкой, также основательно привинченные, висели три картины...

Вокруг обеих коек висели полки с книгами. В глаза бросалась пестрота библиотеки: несколько томов стихов, трактат или два по философии, несколько современных романов, с десятков биографий древних римлян (мое любимое чтение), еще несколько специально отобранных книг и несколько книжек менее серьезного содержания. Около камбуза в водонепроницаемом шкафу помещались грампластинки из наших личных коллекций: Вагнер, Григ, Пуччини и кумир Уоли — Сибелиус. Тут же стоял патефон, на котором, наверно, уже в восьмой раз со времени ужина крутилась пластинка с величественной «Финляндией».

Здесь, в тесном помещении, собрано все необходимое для того, чтобы обеспечить приятное существование и души и тела — сухие койки, теплая печка, табак, запасы продо-

вольствия, лучшие образцы мировой музыки в грамофонных записях, хорошие книги. Впереди нас ждали приключения».

Прекрасная иллюстрация того, что называется предметной средой! Прошло всего сто лет. Сегодня яхту «Василиск», описание помещений которой мы привели выше, назвали бы экспедиционной. Но как отличаются инструменты для исследований, бытовые вещи и оборудование от тех, что можно увидеть на экспедиционной яхте нынче! Появились компьютеры, цифровые фотоаппараты, миниатюрные электронные приборы, и вот со многих судов уже исчез штурманский стол. Он превратился в маленький уголок, куда сведены различные приборы и устройства, используемые сегодня для навигации и обеспечения связи. Карту здесь уже не разложишь, да и места для параллельной линейки и штурманского транспортира нет. А камбуз? Только представьте себе, что сравнительно недавно для приготовления пищи на яхте использовали настоящую печь! Ее постепенно сменили керосинка, примус, керогаз, газовая плита, электрическая варочная панель. Холодильник? Раньше использовался ящик со льдом. Миниатюрный светодиод вытеснил лампу накаливания, а та, в свою очередь, — керосиновую лампу и свечу... И так во всем! Единственное, что остается относительно постоянным, так это размеры и пропорции человеческого тела, хотя... двери все же приходится делать пошире.

Все это — влияние предметной среды. Появление стеклопластика отразилось на внешнем облике яхт, применение

Фотография www.gosmallgonow.wordpress.com

современных материалов изменило многие судовые конструкции. В легком палубном лючке из алюминия и плексигласа теперь едва ли узнаешь массивный деревянный световой люк, полный латунных или бронзовых деталей.

Хотим мы или нет, но получается, что, формируя предметную среду, мы сами попадаем в зависимость от нее.

Среди яхтсменов много тех, кто всеми силами пытается удержать прошлое. Может быть, это происходит оттого, что ходим мы под парусами — одним из древнейших двигателей? Кому не известно то трепетное чувство, которое появляется, когда в руки попадает прекрасная старая, но вполне функциональная вещь: навигационный прибор, деревянный блок, лампа, латунная помпа! А сколько таких предметов остается не в музеях, а на борту яхт! Наша любовь к классическим яхтам, повышенное внимание к морским фестивалям, сохранению морских традиций — все это, судя по всему, последняя линия обороны уходящего времени.

